

УДК 130.2

Т. Э. Рагозина

(к.филос.наук, доцент)

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru

О ФИЛОСОФСКОМ ОБОСНОВАНИИ ТРУДА, ИЛИ: О НЕОБХОДИМОСТИ КРИТИЧЕСКОГО «СВЕДЕНИЯ СЧЁТОВ» С НЕДАВНИМ ФИЛОСОФСКИМ ПРОШЛЫМ

***Аннотация.** Предлагаемая статья посвящена анализу причин кризисной ситуации, сложившейся в марксистской философии советского периода к 80-м годам XX века и проявившейся в виде противоречий трудовой теории антропосоциокультурогенеза. Наметившаяся в рамках философского мышления тенденция отказа от труда как базового философского принципа объяснения общественно-исторического развития остро поставила в повестку дня вопрос о действительном содержании категории «труд» в марксизме и о необходимости философского обоснования труда как теоретического принципа. В связи с этим автор предпринимает критический анализ сложившейся в философии советского периода системы взглядов на труд и ставит вопрос о том, является ли вообще имеющееся на сегодняшний день обоснование труда (представленное анализом его категориальной схемы «цель – средство – результат») философским или за философское обоснование долгие десятилетия неправомерно принималось нечто совсем иное, например – его политэкономическое обоснование, развитое и представленное классиками буржуазной экономической мысли, всесторонне рассмотренное К. Марксом в «Капитале», в итоге подвергнутое им критике и преодоленное в составе более глубокой системы взглядов на труд? Тогда в чём же состоит суть Марксова «открытия труда»?*

***Ключевые слова:** труд как субстанция исторического развития, противоречия трудовой теории антропосоциогенеза, «труд вообще», экономическое обоснование труда, философское обоснование труда.*

І. К постановке проблемы

Если бы непременным условием всякого научного труда считалось наличие эпиграфа к нему, то таким эпиграфом к нашему очерку вполне могли бы послужить слова, сказанные Николаем Гартманом в предисловии к своей знаменитой работе: «Проблемы, будучи однажды открыты, развиваются в истории по своему собственному закону. До своего окончательного разрешения они не теряют своей значимости, насколько бы в то или иное время ни удалялась от них животрепещущая заинтересованность» [1, с. 71].

Приведённые слова Н. Гартмана наилучшим образом вводят в суть проблемы, долгое время считавшейся решённой и даже получившей в марксистской философии советского периода статус завершённого мировоззрения. Имя этому мировоззрению – *материалистическое понимание истории*. Его центральный тезис – положение *о труде как всеобщей основе общества и истории*. За время, истекшее после Маркса, этому положению было посвящено немало книг, статей, исследований. Назовём лишь некоторые, наиболее значимые работы: Давыдов Ю. Н. «Труд и свобода» [2]; Кузьмин В. П. «Принцип системности в теории и методологии К. Марк-

са» [3]; Поршнева Б. Ф. «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» [4]; Спиркин А. Г. «Труд» [5]; Барулин В. С. «Социальная философия» [6]; Туровский М. Б. «Труд и мышление» [7]; Туровский М. Б. «Предыстория интеллекта. Избранные труды» [8].

Несколькими поколениями философов были детально проработаны отдельные, частные аспекты этой обширной проблематики, так и не приведшие к желаемому результату – *обоснованию труда как субстанции исторического развития*, пока, наконец, философская мысль, обессилев в бесплодном цитировании классиков марксизма, не отвернулась от этой проблематики вовсе, в одночасье потеряв к ней всякий интерес и задвинув её в дальний угол как ненужную философскую ветвь. Сегодня, полтора века спустя после совершённого Марксом философского «открытия труда», приходится констатировать, что этот основополагающий философский принцип всё ещё ждёт своего развёрнутого философского обоснования.

Актуальность обращения к проблеме философского обоснования труда как универсальной основы человеческой истории, общества и культуры в ближайшем будущем будет возрастать всё более и более по мере того, как будет идти осознание тупиковости постмодернистской методологии истории – с одной стороны, а с другой стороны – по мере того, как будет становиться очевидной бесплодность поисков универсальных начал истории в рамках цивилизационного подхода, обречённого на эмпиризм по самой своей сути. Сказанное требует уточнений, а именно: признание ограниченности цивилизационного подхода *как методологии* не означает отрицание значимости и необходимости изучения *цивилизации как специфической формы и ступени* общественного развития.

Вот почему нельзя не согласиться с утверждением Н. Гартмана о существовании действительных, а не навеянных сиюминутной прихотью или иными соображениями проблем, которые, будучи однажды открыты, развиваются в истории по своему собственному закону, не зависящему от произвола познающих их субъектов; проблем, которые невозможно ни *отменить*, ни *запретить* декретами именно потому, что они являются теоретическим выражением объективных тенденций общественного развития.

Более того, такого рода проблемы, нимало не теряя своей значимости даже тогда, когда от них пытаются отмахнуться в угоду модным веяниям эпохи, постоянно напоминают о себе нерешённостью тех задач, над которыми тщетно бьётся современность, всуе не осознавая, что эти вызывающие «животрепещущую заинтересованность» задачи сами могут получить своё принципиальное разрешение лишь при условии осмысления преданных забвению фундаментальных философских проблем.

К числу именно таких проблем относится *философское обоснование роли труда как субстанции-субъекта истории* (истории становления и развития человека, общества и культуры) – проблема, которая в качестве философского кредо хотя и была заявлена и поставлена марксизмом, но по ряду причин по сей день не получила развёрнутого теоретического обоснования.

В связи с этим, резонно встаёт ряд вопросов, очерчивающих содержание задач настоящего исследования. Прежде всего, это касается необходимости осознания того, *что* собой представляет в теоретическом отношении сложившееся за годы *после Маркса* понимание труда, нашедшее воплощение в обширной философской литературе. Это – та часть (плоскость) единого целостного анализа означенной выше проблемы, которую условно можно было бы назвать «сведением счётов с недавним философским прошлым».

Такое сведение счётов с нашим недавним философским прошлым необходимо для осмысления и выявления причин (методологического и мировоззренческого свойства), не позволивших «философскому открытию труда» превратиться в широко используемый действенный инструмент исследования человеческого общества, его истории и культуры. И, наконец, самое главное и интригующее: в чём суть *философского обоснования труда* в отличие от обоснования, сложившегося в исследовательской литературе на сегодняшний день?

II. О противоречиях трудовой теории антропосоциокультурогенеза

Ответы на поставленные выше вопросы предполагают анализ и преодоление некоторых укоренившихся ещё с советских времён стереотипных взглядов на труд – взглядов, приобретших силу предрассудков и потому заслуживающих быть подвергнутыми критике.

Первый и самый, пожалуй, массовый стереотип в отношении понимания труда как основы общества и истории, призванного объяснить *начало* человеческой истории, связан с представлением о труде как *орудийной деятельности* или, если брать шире, – с представлением о *труде вообще* как процессе, производящем *вещи*: «Труд..., – пишет один из ведущих исследователей этой проблемы М. Б. Туровский, – есть сама деятельность по изготовлению вещей, служащих для удовлетворения человеческих потребностей» [8, с. 78].

Благодаря такой интерпретации труда, ставившей во главу угла его чувственно-предметный характер, обусловленный тем, что он есть *деятельность, производящая вещи*, действительное содержание труда как основы общества и истории оказывалось усечённым до объёма одной из его сторон, одной из особенных форм его существования, представленной известной всем категориальной схемой «цель – средство – результат». Именно анализ данной схемы, принимавший у разных авторов вид различных сочетаний между собой структурных элементов «*труда вообще*», некритически воспринимался ими как философское обоснование субстанциональной роли труда – *быть реальной основой общества и истории*.

Такой взгляд на труд всегда подкреплялся соответствующими ссылками на многочисленные места в «Экономических рукописях 1857-1861 гг.» и «Капитале». При этом многие авторы даже не пытались ставить вопрос о специфике *философского понимания* труда в отличие от его *политэкономической трактовки*, как и в целом – о специфике взглядов, развиваемых Марксом-экономистом и Марксом-философом.

Вместе с тем, указанное рассмотрение труда по определению не могло привести к его обоснованию в качестве *начала* и *всеобщей основы* человеческого общества и истории хотя бы потому, что категориальная структура «цель – средство – результат» была выработана философской и политэкономической мыслью эпохи Просвещения (каждой из них – для своих специфических нужд) в качестве формулы, отражающей механизм *индивидуальной деятельности человека*⁶ и потому задающей исключительно *антропоморфный*, а не *социоморфный* взгляд на историю,

⁶ Поскольку ранее, в связи с анализом *деятельностного подхода*, нам уже доводилось высказываться о концептуальных границах категориальной структуры «цель – средство – результат», постольку мы отсылаем читателя к нашей статье «Концептуальные границы деятельностного подхода: критический анализ» (См.: [9]).

в силу чего она не может служить объяснением происхождения такого феномена, как *общество*. Это – во-1-х.

Во-2-х, эта формула орудийной деятельности как *труда вообще*, содержащего в своей структуре *цель* в качестве необходимого компонента своего функционирования, *уже* предполагает наличие *готового* человека с *готовым* сознанием, – человека, *уже* способного отличать себя от природы и противопоставлять себя окружающему миру. Такая точка зрения, сводившая труд к *орудийной деятельности индивида*, структурно представленной схемой «цель – средство – результат», вопреки своим исходным установкам – объяснить происхождение человека с его сознанием из труда как основы, их порождающей, – делала проблему антропогенеза принципиально неразрешимой логической коллизией, обрекая философскую мысль на вечное вращение внутри замкнутого круга ⁷.

Эту общую всем философам послемарксовского периода точку зрения высказывает в своей статье «Труд» А. Г. Спиркин: «Цель предваряет во времени и регулирует сам процесс труда» [5, с. 262], – пишет Спиркин, подкрепляя этот взгляд знаменитой цитатой из «Капитала» о пчеле и архитекторе. Как ни крути, а получалось, что философское сообщество, чем белее педантично оно старалось следовать положениям классиков, тем прочнее загоняло себя в тупик, оказавшись в котором оно, наконец, вынуждено было обескураженно задать самому себе вопрос: «так кто же кого создал: труд – сознание или сознание – труд?»

Никакие терминологические ухищрения, никакие заклинания в виде многократно повторяемой сакраментальной энгельсовской фразы «Труд создал самого человека...», никакие упования на магическую силу цитат классиков не могли устранить этот порочный круг: труд как *предпосылка*, с помощью которой требовалось объяснить происхождение сознания как некоего *результата*, уже содержал в себе сознание в качестве готового структурного элемента. Или, иначе: сознание как *результат* и *следствие*, которое только ещё должно было быть выведено из труда как *предпосылки* и *условия* его возникновения, само в качестве структурного элемента оказывалось необходимым *условием* и *предпосылкой*, обуславливающей возможность осуществления труда. Зайдя таким образом окончательно в тупик, данное направление философских поисков не нашло ничего лучше, как просто отбросить за ненужностью эту проблематику, переключив свою «животрепещущую заинтересованность» на другие проблемы.

В связи с этим, напрашивается ряд вопросов принципиального характера: почему авторы, пытавшиеся строить философское обоснование основополагающей роли труда как фактора антропосоциогенеза в полном, казалось бы, соответствии с характеристиками, даваемыми труду Марксом, тем не менее, всегда неизбежно оказывались в логическом тупике? Является ли вообще такое обоснование (представленное анализом «труда вообще» и его категориальной схемы «цель – средство – результат») *философским* или за философское обоснование долгие десятилетия неправомерно принималось нечто совсем иное, например – его *политэкономическое* обоснование, развитое и представленное классиками буржуазной экономической мысли, всесторонне рассмотренное К. Марксом в «Капитале», в итоге подвергнутое им критике и преодоленное в составе более глубокой системы взглядов на труд?

⁷ В этом отношении весьма показательна и статья Д. В. Гурьева с характерным названием «Предшествовал ли труд сознанию?» (См.: ж. «Вопросы философии», 1967, № 2) [10].

Если так, то не вела ли подобная некритическая позиция к понятийной инверсии и, как следствие, к утрате *послемарксовской* философской мыслью своего действительного, собственно философского аспекта исследования труда? Не в этом ли состоял камень преткновения?

Чтобы ответить на возникшие вопросы, необходимо выяснить следующее: что именно представляет собой в содержательном плане категория «труд вообще», чьи характеристики, свёрнутые в формуле «цель – средство – результат», чаще всего использовались авторами, мнившими, что они воссоздают *Марксову философскую позицию* по этому вопросу? В частности, откуда и как появляется в научном словаре Маркса категория «труд вообще», каково её предназначение и границы применимости?

III. Об отличии философской категории «труд» от «труда» как политэкономической категории

Главное произведение К. Маркса «Капитал», равно как и его первоначальный вариант, вошедший в историю под названием «Экономические рукописи 1857 – 1861 гг.», не оставляют ни малейшего сомнения в том, что труд рассматривается в них как *экономическая категория*, становление содержания которой было непосредственно сопряжено со становлением *предмета* экономической науки. Поэтому во *Введении* к «Экономическим рукописям 1857 – 1861 гг.», а точнее – в разделе «Метод политической экономии» Маркс детально останавливается на раскрытии содержания этой «простейшей абстракции, которую современная политическая экономия ставит во главу угла» [11, с. 42]. «Труд, – пишет Маркс, – кажется совершенно простой категорией. Представление о нём в этой всеобщности – как о *труде вообще* – является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», *экономически рассматриваемый* в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию» – (курсив наш – Т. Р.) [11, с. 41].

Что же означает «труд вообще», рассматриваемый *экономически*, и чем он отличается от «труда» как такового, рассматриваемого *философски*?

Дело в том, что категория «труд вообще» в политэкономии была выработана в ходе долгих поисков ответа на вопрос «Какова природа богатства? Откуда и как оно возникает? Что является *источником* богатства и как возможно его *приращение*?» Поскольку на разных этапах становления экономической науки имелись разные ответы в зависимости от того, *что именно* понималось под богатством, постольку Маркс даёт блестящий по глубине и лаконичности очерк становления представлений о богатстве как предмете политической экономии, параллельно раскрывая сущность и природу представлений о *труде вообще*.

«Монетарная система..., – пишет Маркс, – рассматривает богатство ещё всецело как нечто объективное, полагая его, как вещь, вовне – в деньгах. По сравнению с этой точкой зрения было большим шагом вперёд, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд, однако сама эта деятельность всё ещё понималась ограниченно, как деятельность, производящая деньги» [11, с. 41].

И в самом деле, перенесение источника богатства из *предмета* в *субъективную деятельность* было несомненным шагом вперёд в ряду других, последовав-

ших за ним шагов, как показало дальнейшее развитие экономической мысли. Так, например, противостоявшая этой системе «физиократическая система, - продолжает очерк Маркс, - ...признаёт в качестве труда, создающего богатство, определённую форму труда – земледельческий труд, а самый объект она видит уже не в денежном облачении, а в продукте вообще, во всеобщем результате труда. Этот продукт, однако, соответственно ограниченному характеру деятельности, всё ещё рассматривается как продукт, определяемый природой, как продукт земледелия, продукт земли *par excellence*» [11, с. 41].

Вот он, новый шаг вперёд – физиократы усматривают богатство уже *не в деньгах только*, а в *продукте вообще*, т.е., во *всеобщем результате* труда, хотя и мыслят этот *продукт вообще* пока весьма ограниченным образом и по сути дела неверно, а именно – как *продукт, определяемый природой*, как *продукт земли* (природы), а *не собственно человеческого труда*. Этот принципиальный недостаток проистекал из того обстоятельства, что экономисты, рассматривая богатство, продолжали связывать его источник с каким-либо *конкретным, определённым видом труда*, то есть – с трудом в его *особенной форме*, анализ которой при всём их желании не мог привести к обнаружению *всеобщего закона* происхождения и функционирования богатства именно потому, что они обращались к анализу его *особенных форм*, а не *формы всеобщности*.

Для понимания же труда как *субстанции стоимости* произведённых продуктов, то есть, для понимания труда как *источника стоимостных свойств* товаров, позволявших в реальной практике товарообмена приравнять различные потребительные стоимости в определённых пропорциях друг к другу и на этом основании осуществлять обмен одного товара на другой, – для этого необходимо было уйти от рассмотрения конкретных, особенных, определённых форм труда и перейти к анализу его всеобщей формы – к *труду вообще*: к труду как *целесообразной деятельности вообще*, создающей богатство.

Такое сведение определённых видов труда к его абстрактной всеобщности в виде *целесообразной деятельности как таковой*, создающей богатство, с необходимостью влекло за собой также и признание созданного трудом богатства как *продукта вообще*. Более того, это делало возможным взгляд на богатство (этот *продукт вообще*) как на *результат труда* и, следовательно – как на *тот же самый труд*, только овеществлённый, застывший в готовом продукте. А это, в свою очередь, уже рождало взгляд на труд как на *источник* всякого богатства, на труд как *субстанцию стоимости*.

«Огромным шагом вперёд Адама Смита, - фиксирует Маркс немеркнущую заслугу своего предшественника, - явилось то, что он отбросил всякую определённую деятельность, создающую богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признаётся также и *всеобщность предмета, определяемого как богатство*; это – *продукт вообще* или опять-таки *труд вообще*, но уже как прошлый, овеществлённый труд» – (курсив наш – Т.Р.) [11, с. 41].

Революционизирующее для развития экономической мысли значение данного шага состояло в том, что отныне проблема поиска источника богатства как некоей *находящейся вне самого богатства причины* оборачивалась совсем другой проблемой, а именно: проблемой внутреннего отношения предмета к самому себе, или, что то же самое, – проблемой отношения различных его моментов друг к другу в

составе целого, что собственно и получило своё логическое завершение в появлении *экономической категории* «труд вообще». И только с этого момента труд, получив в экономических теориях своё отражённое существование в форме *труда вообще*, оказывается представлен такими его всеобщими моментами, как: **а) собственно целесообразная деятельность** или **цель** + **б) взятые вместе, предмет труда и орудие труда** осмысливаются как **средства труда** + **в) продукт труда** как готовый **результат** всего процесса:

$$\left\{ \begin{array}{c} \text{целесообразная} \\ \text{деятельность} \\ \text{цель} \end{array} \right\} \rightarrow \left\{ \begin{array}{c} \text{предмет труда} \\ + \text{орудие труда} \\ \text{средство} \end{array} \right\} \rightarrow \left\{ \begin{array}{c} \text{продукт труда} \\ \text{результат}^8 \end{array} \right\}$$

Именно таким путём в рамках развития экономической мысли рождается знаменитая категориальная формула-схема «цель – средство – результат», которая и становится абстрактно-всеобщим выражением *экономической точки зрения* на труд как предмет классической буржуазной экономической науки. Поскольку эта формула позволяла объединить все условия возникновения богатства в один общий процесс труда как целесообразной деятельности, в котором они выступали как всего лишь *его моменты*, постольку оказалось возможным осмыслить богатство в его *всеобщей форме*, о чём уже было сказано выше.

Иначе говоря, сведение труда к его абстрактно-всеобщему выражению, представленному формулой «цель – средство – результат», позволило увидеть, что богатство существует не только в форме *продукта* как готового *результата* труда, но и в форме *средств труда*, представленных *предметом труда* и *орудием труда*, которые тоже стали пониматься как *формы богатства*, ибо они тоже были результатами и продуктами труда, хотя и прошлого, овеществлённого труда.

Шаг, который оставалось сделать – это увидеть в самом труде как живом процессе целесообразной деятельности тоже *особую форму богатства*. И этот шаг был сделан, богатство как предмет экономической науки было, наконец, осмыслено *всеобщим образом*: как существующее во всех трёх ипостасях, охватываемых формулой «цель – средство – результат», а значит – как *труд вообще*, как *целесообразная деятельность человека*, создающая необходимые для его существования средства – (потребительные стоимости). Кстати, именно этот шаг обусловил переход буржуазной экономической науки от фазы её существования в качестве разрозненных эмпирических доктрин к собственно *экономической теории как системе научных взглядов*.

«Как труден и велик был этот переход» [11, с. 41] – восклицает Маркс. В чём же заключалось его величие? Его величие состояло в том, что такое представление о богатстве, взятом в его всеобщей форме, одновременно позволяло увидеть *единое основание* всех особенных форм его существования, в качестве которого отныне выступал *труд*.

⁸ Достаточно сравнить точку зрения на труд, развиваемую новоевропейской экономической наукой, с трактовкой труда в одноимённой статье А. Г. Спиркина, опубликованной в «Философской энциклопедии» [5, с. 261-262], являвшейся точкой зрения, официально признанной философским сообществом конца XX века, чтобы увидеть их идентичность и, как следствие, некритическое отождествление политэкономического и философского аспектов анализа труда.

Иначе говоря, величие этого перехода состояло в том, что он позволил осмыслить *формы богатства* как *формы труда* и благодаря этому увидеть, как труд буквально *перетекает* из одной формы своего существования (из формы *живой целесообразной деятельности*) в другую форму своего же существования (в форму *продукта* труда, который в новом производственном акте мог принять уже форму *предмета* или *орудия* труда) и как поэтому все эти формы богатства получают *единое измерение* – измерение *трудом*, а точнее – измерение *количеством труда*. Величие этого перехода состояло, следовательно, в том, что он позволил понять труд как *единую причину* и *единый источник* всякого богатства, всех без исключения производимых людьми вещей (всех потребительных стоимостей) и, тем самым, впервые понять труд как *субстанцию стоимости*.

Как видим, история становления английской экономической мысли на протяжении нескольких столетий, начиная с монетарных систем и заканчивая *трудовой теорией стоимости* А. Смита и Д. Рикардо, была напрямую сопряжена с формированием представлений о «труде вообще», завершившимся выработкой его абстрактно-всеобщей формулы «цель – средство – результат», которая, собственно, и легла в основу рикардовского *закона стоимости* – закона, базирующегося на понимании *труда как меры стоимости*, на признании того, «... что стоимость товаров определяется количеством реализованного в товарах труда» [12, с. 15].

Благодаря этому абстракция «труд вообще», вобравшая в себя в свёрнутом виде всю предшествующую историю экономических учений, становится в итоге тем ферментом, чьё революционизирующее влияние на экономическую мысль находит своё выражение в изменении представлений о самом *предмете* экономической науки: если до Адама Смита таким предметом выступало *богатство*, то теперь – *труд, создающий богатство*.

Так вот, именно этот «... "труд вообще", труд *sans phrase* [без дальних разговоров]», который «... не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще...» [11, с. 42], – именно этот (как специально оговаривает Маркс) *экономически рассматриваемый труд* как раз и получает своё обобщённое выражение в знаменитой формуле «цель – средство – результат», которую марксистская философия советского периода на протяжении многих десятилетий использовала для решения своих философских нужд, полагая, что таким образом она осуществляет развёрнутое обоснование *материалистического понимания истории*.

Некритически отождествив *экономически рассматриваемый труд* с собственно философской позицией Маркса по поводу сущности общественно-исторического развития, сведя труд преимущественно к *деятельности, производящей вещи*, современные последователи Маркса прочно загнали проблему философского обоснования труда в логический тупик.

Вся курьёзность сложившейся ситуации состоит в том, что таким образом материалистическое понимание истории большинством философов-марксистов некритически отождествлялось даже не с экономической точкой зрения на труд *самого К. Маркса* (ибо его теоретическая позиция принципиально отличается от рассмотренной выше позиции А. Смита и Д. Рикардо, связанной как раз с абстракцией «труд вообще» и потому *именно в этом пункте* подвергнутой критическому анализу со стороны Маркса), а с экономической точкой зрения *классиков буржуазной политической экономии*, которые, согласно характеристике Ф. Энгельса, сами ещё «оставались в плену экономических категорий, которые они нашли у своих пред-

шественников» [12, с. 20], которые, в свою очередь, исповедовали сложившиеся на заре эпохи Просвещения и восходящие к точке зрения Т. Гоббса и других предшественников старого материализма сугубо антропоморфные взгляды и представления об истории как сознательной деятельности индивидов, преследующих свои интересы и цели. Вот ведь какая незадача!

Поскольку всё это не могло не «аукнуться» последствиями методологического характера для советской школы марксизма, окончательно запутавшейся в своих внутренних противоречиях и почти переставшей существовать к концу XX века, постольку в современной «повестке дня» актуальными для дальнейшего развития философии оказываются следующие вопросы:

1) чем *философское обоснование труда*, развитое марксизмом в рамках материалистического понимания истории, принципиально отличается от *«экономически рассматриваемого труда»*, представленного точкой зрения буржуазной политической экономии? – это одна линия различий;

2) чем трудовая теория стоимости Маркса принципиально отличалась от трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии? – это другая линия различий;

3) и, наконец, чем *философское обоснование труда*, представленное в рамках материалистического понимания истории, принципиально отличается от разработанного самим же К. Марксом *экономического учения о труде*? – это третья линия различий.

IV. О методологических возможностях и границах экономической категории «труд вообще»

Начнём с выяснения сути различий, существующих между философским обоснованием труда, на котором базируется материалистическое понимание истории, и точкой зрения на труд классиков буржуазной экономии.

В прямой связи с поставленной задачей попытаемся выяснить вопрос о том, в каком же «плёну» (если верить Энгельсу) и каких конкретно «экономических категорий, которые они нашли у своих предшественников» [12, с. 20], оставались классики буржуазной экономической мысли А. Смит и Д. Рикардо, ставя «во главу угла» развиваемых ими теорий прибавочной стоимости категорию «труд вообще», содержательное значение которой представлено формулой «цель – средство – результат». Для этого обратимся к выдающемуся произведению другого классика политической экономии, а именно – к «Теориям прибавочной стоимости» Карла Маркса, где он даёт развёрнутое изображение «физиократических предрассудков» [13, с. 40], в плену которых, несмотря на осуществлённый ими переход к новому, более глубокому пониманию природы буржуазного производства, продолжали оставаться оба теоретика трудовой теории стоимости.

Первое, что подлежит констатации, так это то, что и Смит (который, по характеристике Маркса, «был сильно заражён физиократией» [13, с. 36]), и Рикардо вместо того, чтобы подвергнуть критике все основные категории физиократов, вместо того, чтобы «свести теоретические счёты» со своими предшественниками, продолжали во многом некритически (т.е., попросту не отдавая в этом себе отчёта) руководствоваться свойственным ещё физиократам «...их общим взглядом на природу стоимости, которая в их понимании *не есть определённый общественный способ существования человеческой деятельности (труда)*, а состоит из *вещества, давае-*

мого землёй, природой, и из различных видоизменений этого вещества» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 14].

«Смешение, или, вернее, отождествление стоимости с веществом природы, а также связь этого взгляда со всей системой воззрений физиократов» [13, с. 31] составляли главный «физиократический предрассудок», который имел свои вполне определённые социальные и гносеологические корни: «...различие между *стоимостью* рабочей силы и *той стоимостью, которая создаётся путём применения этой рабочей силы*, - указывает Маркс, - <...> ни в одной отрасли производства не выступает так осязательно и бесспорно, как в земледелии... Сумма жизненных средств, потребляемых рабочим из года в год, или масса вещества, потребляемая им, меньше той суммы жизненных средств, которую он производит» [13, с. 14]. Поэтому понятно и объяснимо, почему все физиократы «*стоимость сводят к потребительной стоимости, а последнюю – к веществу вообще*» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 17].

Однако, если для физиократов такое понимание было абсолютно естественным и вполне объяснимым, поскольку вся физиократическая система взглядов соответствовала «буржуазному обществу той эпохи, когда оно вылупляется из феодализма» [13, с. 21], то для «трудовиков» Смита и Рикардо это было уже чем-то не совсем простительным, закономерно повлекшим за собой роковые для всей классической буржуазной экономики последствия.

Именно из указанного понимания физиократами природы стоимости происходило главное противоречие всей их системы взглядов, некритически унаследованное их преемниками А. Смитом и Д. Рикардо и перенесённое на почву трудовой теории стоимости: «...для неё, впервые пытавшейся объяснить *прибавочную стоимость* присвоением чужого труда, притом присвоением на основе товарного обмена, - подчёркивает Маркс несуразность сложившейся ситуации в теории физиократов, - *стоимость вообще не есть форма общественного труда*, а прибавочная стоимость не есть прибавочный труд; для неё *стоимость – это только потребительная стоимость, только вещество*, а прибавочная стоимость – только дар природы, которая возвращает труду вместо данного количества органического вещества большее его количество» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 23].

Вот так и получилось, что «...прибавочная стоимость - фиксирует положение дел К. Маркс, - <...> *выводится из природы, а не из общества, из отношения к земле, а не из общественных отношений*» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 23]. Вот он, тот главный порок, который некритически унаследовали от физиократов классики буржуазной политэкономии А. Смит и Д. Рикардо, перенесшие его на почву трудовой теории стоимости.

Именно этот главный недостаток, свойственный всей системе воззрений физиократов, латентно продолжал влачить своё существование и в недрах новой системы взглядов Адама Смита (и Д. Рикардо), исподволь разлагая её и предопределяя воспроизведение на почве новых взглядов старых предрассудков, которые Маркс педантично фиксирует в III-ей главе «Адам Смит», специально выделив это в отдельный пункт, озаглавленный «Элементы физиократической теории у Адама Смита». В чём же заключались эти элементы физиократической теории у А. Смита?

Резюмируя существо и новизну проблематики, которую, в противовес монетаристской системе, поставили в повестку дня экономической науки XVIII века физиократы, Маркс констатирует следующее: «...сущность капиталистического производства физиократы усматривали в производстве прибавочной стоимости. Имен-

но это явление им надлежало объяснить. <...> Но откуда в таком случае берётся прибавочная стоимость, т. е. откуда берётся капитал? Такова была проблема, стоявшая перед физиократами» [13, с. 34].

К слову сказать, эта же самая проблема стояла и перед создателями трудовой теории стоимости – А. Смитом и Д. Рикардо, только вот способы решения этой проблемы, которые обусловили различия между двумя школами и прогресс в развитии экономической мысли, значительно отличались друг от друга. Так, например, физиократы, считали, что собственно *производительный труд* имеет место исключительно в сфере *земледелия*, в связи с чем земледелие трактовалось ими «...как та отрасль производства, в которой только и имеет место капиталистическое производство, т. е. производство прибавочной стоимости» [13, с. 21], которую они сводили к *земельной ренте*⁹.

Иначе говоря, прибавочная стоимость (капитал) создаётся, с точки зрения физиократов, только в сфере земледелия. За счёт чего? – За счёт *прироста вещества природы*. С этим как раз и была связана их главная ошибка, о которой уже говорилось выше и которую вскрыл Маркс: «Их ошибка заключалась в том, что *прирост вещества*, который вследствие естественного произрастания растений и естественного размножения животных отличает земледелие и скотоводство от промышленности, они смешивали с *приростом меновой стоимости*. Для них основой была *потребительная стоимость*. А *потребительной стоимостью всех товаров* <...> было для них *вещество природы как таковое*...» (Курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 34-35].

Так вот, уйдя далеко вперёд по сравнению с физиократами, перестав отождествлять труд, производящий прибавочную стоимость (богатство), только с земледельческим трудом и распространив его на все отрасли общественного производства, благодаря чему у А. Смита начинает фигурировать «просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий труд, а как тот, так и другой» [11, с. 41], обосновав взгляд на труд как на «простую субстанцию» и источник *всякого* богатства, – сделав этот, по характеристике Маркса, «огромный шаг вперёд» в направлении к правильному пониманию истинной природы капитала, Адам Смит, тем не менее, именно в вопросе о *происхождении* капитала, продолжал разделять с физиократами тот предрассудок, согласно которому первоначальное возникновение капитала происходило путём "*сбережения*" и "*накопления*" излишков произведённого продукта (вещества природы, натурально-вещественных компонентов богатства в целом), а не путём эксплуатации чужого труда.

Не случайно поэтому Маркс хвалит другого известного экономиста – Гарнье (критика А. Смита) за то, что тот «...совершенно правильно нащупывает, что теория А. Смита о накоплении посредством сбережения покоится на этой физиократической основе» [13, с. 35].

Вывод из сказанного, который важен для нашего дальнейшего анализа, может быть сделан следующий: *капитал* в целом, несмотря на то, что в качестве его простой субстанции и всеобщей основы у А. Смита и Д. Рикардо уже фигурирует «*труд вообще*», тем не менее, продолжал рассматриваться ими исключительно со стороны его натурально-вещественной формы – как мир предметного богатства,

⁹ Промышленность же и торговлю они рассматривали как такие отрасли, в которых происходит только дальнейшее перераспределение земельной ренты, но которые сами прибавочный продукт не производят.

как совокупность потребительных стоимостей, как *мир вещей*, а не как мир *общественных отношений*, – словом, не как *общественная форма* организации человеческой деятельности (труда).

А всё потому, что классики буржуазной политэкономии, как абсолютно верно вслед за Марксом охарактеризовал положение дел Ф. Энгельс, «оставались в плену экономических категорий, которые они нашли у своих предшественников» [12, с. 20], в частности – в плену такой категории, как *стоимость*, содержание которой (некритически воспринятое «трудовиками») ещё задолго до них физиократами было сведено к *потребительной стоимости* (и, тем самым, – к веществу природы).

Однако, и это ещё далеко не всё то, что без должной критической переработки переключалось от физиократов и свойственного им сугубо натуралистического понимания природы стоимости в теоретические построения Смита и Рикардо.

Именно потому, что у физиократов «... *стоимость сводится всего лишь к потребительной стоимости, следовательно к веществу*», именно поэтому, указывает Маркс, «...в этом веществе физиократов интересует *только количественная сторона*, избыток произведённых потребительных стоимостей над потреблёнными, следовательно *только количественное отношение потребительных стоимостей друг к другу...*» (курсив наш – Т. Рагозина) [13, с. 23].

Этот чисто *количественный* взгляд на природу *стоимости*, являвшийся существенным недостатком всех физиократических учений, будучи перенесён в трудовую теорию стоимости сначала у Смита, а затем у Рикардо, распространяется также и на понимание *прибавочного продукта вообще*, равно как и на понимание его всеобщей меры – на «*труд вообще*», который совсем не случайно, а вполне закономерно тоже предстаёт только со своей количественной стороны, – со стороны, которая становится его главной содержательной начинкой, породившей принципиальную ограниченность новых теорий, а именно: чисто количественное понимание *прибавочной стоимости*, которая именно в силу этого не могла быть понята со своей качественной стороны – со стороны *общественной формы*.

Как видим, в рамках трудовой теории стоимости в качестве пережитков продолжали воспроизводиться, причём уже на расширенной основе, два главных предрассудка физиократической системы воззрений: *натурализм* в понимании природы прибавочной стоимости (капитала) и чисто *количественный* взгляд на её сущность, которые принципиально закрывали путь к дальнейшему научному анализу капиталистического производства, не позволяя сделать предметом анализа его *общественную, конкретно-историческую форму*.

Вот эти-то пороки и недостатки предшествующей буржуазной экономической мысли, которые, как губка, впитала в себя категория «*труд вообще*», поставленная во главу угла классической буржуазной экономией, продолжали незримо оказывать своё губительное, разлагающее действие, только теперь уже на расширенной основе¹⁰ – внутри трудовой теории стоимости, порождая новые противоречия между теорией и действительностью, не позволяя мысли «понять внутреннюю связь явлений» и не давая ей идти дальше.

Заметим, что всё вышесказанное в этом очерке касается не только «плена *экономических категорий*», не позволившего науке в лице Д. Рикардо и его школы

¹⁰ Натурализм и односторонне количественный взгляд теперь были распространены уже не только на понимание *земельной ренты*, но также и на понимание промышленной *прибыли* и *процента* с капитала.

двигаться дальше, но и «плена философских категорий», содержание которых, будучи некритически воспринято представителями экономической науки, также устанавливало незримый предел её развитию, методологически обуславливая границы, дальше которых теория идти не могла. И это опять-таки было связано с категорией «труд вообще».

V. Труд, производящий вещи (потребительные стоимости, богатство), и труд, производящий общество

Дело в том, что абстракция «труд вообще» («деятельность вообще»), содержательная структура которой передаётся формулой «цель – средство – результат», была выработана и возникла не только в рамках экономической науки Нового времени. Исторически она возникла и существовала в более широком контексте – в контексте становящегося *исторического сознания* эпохи, которая только-только ещё выходила из недр средневекового феодального общества.

И если в политэкономии, как было показано выше, категория «труд вообще» была выработана в ходе долгих поисков ответа на вопрос о том, «Какова природа богатства? Откуда и как оно возникает, что является *источником* богатства и как возможно его *приращение*?», то нарождающееся новоевропейское историческое сознание XVII-XVIII веков активно разрабатывало представления о «труде вообще» как *целесообразной деятельности индивидов* для решения задач мировоззренческого толка – для обоснования научного взгляда на сущность общественно-исторического процесса и на место человека в нём.

Так, например, в становящейся философии истории эпохи Просвещения понятие *целесообразной деятельности вообще* своим содержанием было призвано обосновать (в противовес христианскому историзму) связанный с деятельностью человека *земной источник* телеологического характера истории, её целесообразной формы; т.е., было призвано служить логической моделью, противостоящей средневековому теоцентризму и способной вытеснить *провиденциализм* из истории, заменив его антропоцентризмом – концепцией исторического процесса, провозглашавшей, что человек *сам* может ставить себе *цели* и достигать нужных *результатов* с помощью определённых *средств*. Категориальная структура «цель – средство – результат» как раз и стала той философской формулой, в которой оказалось свёрнуто понимание *деятельности индивида как разумного существа*, способного ставить и реализовывать свои цели.

Будучи категориальным закреплением *принципа индивидуальной деятельности* (и, следовательно, *принципа субъективной целесообразности*), схема «цель – средство – результат» на целые столетия вперёд стала также и «формулой истории» в целом – той моделью, которой с успехом оперировало Просвещение, кладя её в основу понимания общественной истории как деятельности преследующих свои цели индивидов, благодаря чему история, как правило, приобретала вид деяний великих исторических личностей. Поскольку никакого другого, кроме *антропоморфного*, понимания сущности истории данный взгляд в себе не содержал, постольку он с самого начала исключал возможность объяснения происхождения общества как *совокупности общественных отношений* в целом, равно как и анализ *конкретно-исторической формы* общества – в частности.

Именно этот односторонне-метафизический взгляд на историю общественно-го развития, воплотившийся в известной категориальной схеме «цель – средство –

результат», будучи взят на вооружение буржуазной экономической наукой, как раз и составил методологическую основу политэкономической абстракции «труд вообще», став существенной ограниченностью экономической мысли. С одной стороны, абстракция «труд вообще» потому ставилась современной политической экономией «во главу угла», что она была нужна ей, чтобы увидеть поддающуюся количественному исчислению единую основу *мира вещей* (богатства), с чем, к слову сказать, данная абстракция (в лице А. Смита и Д. Рикардо) справилась блестяще.

С другой стороны – именно поэтому она могла быть предназначена только и исключительно для теоретического осмысления самых простых, самых бедных и абстрактных – чисто *количественных закономерностей труда, создающего богатство в его натурально-вещественной форме*. «Процесс труда, как мы изобразили его в простых абстрактных его моментах, - резюмирует Маркс в «Капитале» взгляд классической буржуазной экономии, - есть целесообразная деятельность для создания потребительных стоимостей...» [14, с. 195]. Что же касалось возможности добраться до анализа "святая святых" капиталистического производства – до механизма образования прибавочной стоимости как субстанции капиталистических производственных отношений, то такая возможность с помощью категории «*труд вообще*» была абсолютно исключена¹¹.

Итак, труд, *рассматриваемый экономически*, то есть, исключительно с точки зрения своей *натурально-вещественной формы* и чисто *количественных* параметров – вот то действительное содержание абстракции «труд вообще», которое свёрнуто в формуле «цель – средство – результат» и которое задаёт её концептуальные границы и возможности. А это значит, что формула «цель – средство – результат», в которой свёрнуты *количественные* характеристики труда как *процесса, производящего вещи* (потребительные стоимости), не может быть *ключом* к пониманию труда как *процесса, производящего общество – форму связи людей друг с другом*, которая, во-1-х, по самой своей сути всегда есть носитель *качества (формы социальности)* и которая, во-2-х, поэтому не содержит в себе *ни грана вещества природы*.

Труд, производящий *вещи (потребительные стоимости, богатство)*, и труд, производящий *общество* – таково в общих чертах отличие труда как предмета политэкономического исследования в рамках классической буржуазной экономической науки от него же самого как объекта философского анализа в рамках материалистического понимания истории.

Что же касается отличия труда, *экономически рассматриваемого* Марксом в «Капитале», от точки зрения буржуазной классической экономии на труд как ис-

---

¹¹ Иначе говоря, представление о *труде вообще* и его простых абстрактных моментах позволяли экономистам сформировать представление о труде как *производительном* процессе, создающем потребительные стоимости: «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата – продукта, то и средство труда и предмет труда, - пишет в «Капитале» Маркс, - оба выступают как средства производства, а самый труд – как производительный труд» [14, с. 192]. Но в том-то всё и дело, тут же в примечании разъясняет Маркс, что «Это определение производительного труда, получающееся с точки зрения простого процесса труда, совершенно недостаточно для капиталистического процесса производства» (курсив наш – Т. Рагозина) [14, с. 192], ибо оно является таким же абстрактно-общим моментом *всякого* производства, как и абстракция «труд вообще», и потому совершенно ещё недостаточно для объяснения *буржуазного* процесса производства, создающего *прибавочную стоимость* (капитал).

точник богатства, с одной стороны, и, с другой – от его же, Маркса, философской трактовки труда как субстанции-субъекта исторического развития общества, обоснование которого составляет задачу и предмет материалистического понимания истории, то такое принципиальное отличие также существует, но проходит оно по *другой* линии и затрагивает *другие* параметры. Это будет рассмотрено в следующей нашей статье (См.: «Культура и цивилизация», № 1(11) – 2020), после того, как будет показано, *чем именно* Марксова теория прибавочной стоимости принципиально отличается в своей основе от теорий прибавочной стоимости его предшественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю. В. Медведева. – Санкт-Петербург: «Наука», 2003. – 639 с.
2. Давыдов, Ю. Н. Труд и свобода. – М. : Высш. шк., 1962. – 132 с.
3. Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – 3-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1986. – 399 с.
4. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М., 1974. – 487 с.
5. Спиркин, А. Г. Труд / Философская энциклопедия // Ин-т философии АН СССР ; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М., 1970. – Т. 5. С. 261-262.
6. Барулин, В. С. Социальная философия: Учебник. – Изд. 2-е. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 560 с.
7. Туровский М. Б. Труд и мышление. – М.: Высшая школа, 1963. – 137 с.
8. Туровский М. Б. Предыстория интеллекта. Избранные труды / М. Б. Туровский. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 575 с.
9. Рагозина, Т. Э. Концептуальные границы деятельностного подхода: критический анализ / Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27 апреля 2018 г. – Воронеж, 2018. – С. 48-57.
10. Гурьев, Д. В. Предшествовал ли труд сознанию/ Д. В. Гурьев // Вопросы философии. – М., 1967. - № 7.
11. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI, 564 с.
12. Энгельс, Ф. Предисловие ко II-му тому «Капитала» / К. Маркс, Ф. Энгельс / Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – С. 3-24 с.
13. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости. В 3-х ч. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 26. Ч. I. – 476 с.
14. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. - Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.

T. E. Ragozina

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

SEI HPE «Donetsk National Technical University»

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: tatyana.ragozina@list.ru**ABOUT THE PHILOSOPHICAL SUBSTANTIATION OF LABOR OR:
ABOUT THE NEED FOR CRITICAL “ACCOUNT BILLING”
WITH THE RECENT PHILOSOPHICAL PAST**

Annotation. This article is devoted to the analysis of the causes of the crisis that developed in the Marxist philosophy of the Soviet period by the 80s of the twentieth century and manifested itself in the form of contradictions in the labor theory of the origin of man, society and culture. *The tendency of abandonment of labor as a basic philosophical principle of explaining socio-historical development, which has been outlined within the framework of philosophical thinking, has sharply put on the agenda the question of the actual content of the category “labor” in Marxism and the need for a philosophical justification of labor as a theoretical principle.*

In this regard, the author undertakes a critical analysis of the prevailing system of views on labor in the philosophy of the Soviet period and raises the question of whether the justification of work currently available (represented by an analysis of its categorical scheme “goal - means - result”) is philosophical or philosophical the rationale for many decades wrongfully accepted something completely different, for example, its political economic justification, developed and presented by the classics of bourgeois economic thought, comprehensively considered what did Karl Marx make in Capital, which he ultimately criticized and overcome as part of a deeper system of views on labor? Then what is the essence of Marx's “discovery of labor”?

Key words: labor as a substance of historical development, contradictions of the labor theory of the origin of man and society, “labor in general”, economic justification of labor, philosophical justification of labor.

Поступила в редакцию 27 ноября 2019 г.